

Мысли русского человека

Сейчас в России в основном «философствуют» только евреи – «истинные россияне», как правило, с двойным гражданством. Некоторые из них настолько охмелели от свободы, вернее от вседозволенности, установленной в стране сверху «демократами», что здравомыслящая их часть, воспринимаемая самими русскими, нормальными людьми, обращаясь, как Александр Ширвиндт к Геннадию Хазанову, начала советовать чересчур уж осмелевшим в своих высказываниях «студентам различных кулинарных техникумов» начинать подумывать о третьем гражданстве. Чтобы меня кто-нибудь не упрекнул в антисемитизме, повторю слова одного из наших известных философов: «поскребите любого русского и найдёте татарина». Вообще, когда в России, говоря о каком-то человеке, и при этом, постоянно подчёркивают его национальность, всегда имеют в виду, позорящую свою нацию, какую-то конкретную высокопоставленную или высоко ставящую себя над людьми, сволочь. Кстати и «жидами», точнее «жидовской мордой» в России, чаще называют русских, а не евреев по национальности, а что касается меня лично, то я не однократно слышал в свой адрес «комплимент», что я хуже еврея. И знаете, я с этим всегда соглашался, ссылаясь на свою лень и нежелание изучать иностранные языки.

Начну всё-таки с анекдота. Американцы изобрели прибор, позволяющий видеть мысли человека. Для демонстрации работы прибора отобрали по жребию несколько человек разных национальностей. Авторитетное жюри из учёных трёх стран Америки, Франции и России должно было по мыслям испытуемых определить их национальность. Подключили прибор к первому человеку. На экране бешено закрутились какие-то графики, диаграммы, помещения каких-то офисов, лента конвейера, скоростные лифты, автомобили, переполненные вагоны метрополитена, газеты – какой-то непрерывный круговорот повседневной жизни, в котором изредка мелькали одни и те же мужские, женские и детские лица.... Американец, - единодушно сделало вывод жюри о национальности первого человека. В мысли второго человека мелькало множество разных лиц, но, помногу раз, повторялись в основном не столько лица, сколько силуэты, как бы провожаемых взглядом женских фигур. Один раз на какое-то мгновение высветилось что-то напоминающее то ли офис, то ли какое-то производство, а затем рестораны, кафе, вино, цветы и горячие поцелуи. Француз, – также единодушно, определило национальность второго человека жюри, восхищаясь чёткостью изображения, хотя и сумбурных мыслей.

Изображения мыслей третьего испытуемого на экране почему-то не было. Сначала думали, что прибор сломался, поэтому подключили прибор опять ко второму испытуемому и снова убедились, что это француз. Русский по национальности член жюри, шутки ради, предложил дать третьему испытуемому выпить стакан водки, по опыту зная, как после этого возникает мысль о чём-нибудь поговорить.

Когда испытуемый выпил стакан водки, на экране появилось маленькое зелёное пятнышко, которое никак нельзя было сфокусировать, чтобы понять, что это такое. Тогда испытуемому дали выпить второй стакан водки. Пятно расплылось на треть экрана монитора, но всё равно, что это такое, опять никто не мог понять. Эксперимент продолжили, налив испытуемому третий стакан водки и тут произошло чудо – посередине экрана закрутился, выскальзывая из трясущихся рук, большой зелёный огурец.

Члены жюри, молча посмотрели в сторону своего коллеги из России, и тот сразу же подтвердил их догадку: «да, вы совершенно правы, - это мой земляк!»

Менталитет русского человека в таком виде, что у него только после третьего стакана мелькает мысль закусить, конечно, можно считать происками западной пропаганды, чтобы показать всему миру, насколько русские, сами по себе варварская нация, которой, в связи с этим, не до «общечеловеческих ценностей».

Давайте не будем оспаривать то, что всем на Западе «и так ясно». Ведь «русские варвары, когда врывались в кишлаки, аулы и стойбища, оставляли после себя города, библиотеки, университеты и театры» (Метро, №62, 16.07.2009, стр.16), в отличие от «американских гуманистов», согнавших индейцев в резервации, чтобы те не забывали традиций своих предков, на одной миллионной части, принадлежавшей им когда-то территории.

Возможно, кому-то приведённый выше анекдот, покажется с длинной бородой, времён юности прадедушки, но я привёл его специально, чтобы перейти к рассмотрению актуальной проблемы всех времён и народов, имеющей условное название: «Одиноки ли мы во Вселенной?» или конкретнее «Откуда мы сами - кем созданы или от кого произошли?»

Оставим в покое Тору, Библию и Коран, и все рассуждения о Боге. Бог Был, Есть и Будет Всегда, пока «Человек» самоуверенно не Скажет, что «Для Него» Не Существует больше никаких Тайн Вселенной, а Этого «он» Не Скажет Никогда!

Оставим также в покое Чарлза Дарвина с его теорией «Происхождения видов», а остановимся на математических выкладках некоторых «учёных», обтёсывающих в настоящее время основание Мироздания, в стремлении проникнуть то ли в Замыслы Творца, то ли доказать, что имел место в прошлом визит на Землю, представителей какой-то высокоразвитой цивилизации. Почему-то в этих околонуточных трактатах всегда говорится, что обязательно, будь то Сам Бог, будь то Инопланетяне, Они почему-то должны были обязательно оставить послание Человечеству, даже если оно в то время ещё не было создано или не появилась в результате естественных процессов, приводящих к возникновению и эволюции живой природы.

Понятно, что такая мысль могла появиться у подобного «учёного» не после третьего стакана водки, а во время поисков, чем можно опохмелиться, после какого-нибудь «симпозиума» о природе неопознанных летающих объектов.

Вот и появляются книги, как, например, «Мистерия Луны» (М, 2007) с доходчивым объяснением, почему Луна является тем самым посланием Человечеству. И делается это только на основании того, что математические расчёты в воспалённом мозгу авторов вызвали «числовые ассоциации между сравнительными размерами Солнца, Земли и Луны с её орбитальными характеристиками, хотя эти расчёты относятся к периоду, когда человечество только сформировалось. И пусть эти соотношения отсутствовали в прошлом и исчезнут в далёком будущем, авторы уверяют, что это «сообщение» явно предназначено для «нынешнего» периода. И главное подчёркивается в связи с этим, что солнечные затмения могут происходить лишь в крошечном промежутке (по астрономическим меркам) общей истории Земли и Луны, со ссылкой на высказывание знаменитого научного фантаста Айзека Азимова, что это «является самым невероятным совпадением, какое только можно представить». Так, что исподволь этой книгой внушается доверчивому читателю, что затмения, это действительно «знамения», которые вызывали ужас в сознании наших далёких предков, и являются, как бы предупреждением о грядущей всемирной катастрофе, если не о Конце Света.

Погружаясь в Тайны древних цивилизаций», в так называемую серию книг, в которой авторы «Мистерии Луны» Кристофер Найт и Алан Батлер, не являются новичками, следует помнить, что любой общеизвестный факт, можно истолковать так, что он мог иметь место только «в результате самого невероятного совпадения, какое только можно представить». Как, например, определить долю вероятности того, что машина в пустыне врежется в единственное, стоявшее там дерево.

Но такой случай действительно имел место в пустыне Тенере, на северо-востоке Нигера, на границе Сахары в 1973 году. В акацию, в радиусе 400 км от которой не встречалось ни одного другого дерева, врезался грузовик.

В журнале «Вокруг света» (№2, 1991) журналист Сергей Кондаков, в статье «Мавзолей для дерева Тенере» рассказал об истории этого священного дерева и о том, как оно оказалось в мавзолее на территории Национального музея в столице Нигера Ниамеи:

«...На мой взгляд, это строение совсем не напоминает мавзолей. Оно теряется среди ярких броских бело-голубых павильонов и скорее напоминает каменную беседку. В мощный возвышающийся над землей постамент зацементирован почерневший корявый раздваивающийся ствол. Что это? Две замурованные коряги?

Молчание. Здесь не ведут оживленных споров, не слышно восклицаний, что тут говорить! МАВЗОЛЕЙ ДЕРЕВУ! Не всякий европеец способен понять, зачем нужен этот мавзолей. Как тут еще раз не вспомнить африканскую поговорку об иноземце, который «даже с открытыми глазами - все равно слепой». А для нигерца в этом нет ничего удивительного, ведь люди должны поклониться дереву, несколько столетий указывавшему караванщикам путь в безводной пустыне Тенере, дереву, ставшему символом самой жизни...

- У мавзолея дерева Тенере, пожалуй, самая грустная история из всех экспонатов, - рассказывает Альбер Ферраль. - Росло оно в 238 километрах от Агадеса по дороге в Бильму, и было известно всем туарегам-проводникам и караванщикам, служа одним из естественных ориентиров в Тенере.

Южная часть Сахары - Тенере в переводе с языка тарки означает «обособленная зона», она раскинулась на 1300 квадратных километров между массивом Аир на западе и нагорьем Кауар. Дороги огибают суровый край. Только одна, 700-километровая, пересекает Тенере с запада на восток из Агадеса в Бильму. Её проложили аизалаи - караваны верблюдов, испокон веков перевозивших из Агадеса просо, а из Бильмы, с соляных копей, соль.

В год такие караваны совершали переход дважды: большой зимний - до 10 тысяч верблюдов - и в несколько раз меньше - весенний. Караванщики всегда рисковали жизнью, и не только из-за частых набегов бандитов-грабителей, а из-за невероятно сложных условий пути. По сторонам большака скелеты верблюдов можно отыскать до сих пор. Здесь практически нет воды, растительности никакой. Куда ни кинь взгляд - зыбучие светло-желтые пески...

Встречавшееся на пути единственное дерево прибавляло измученным людям сил, вселяло уверенность в благоприятном конце перехода. «Тафагаг!» - восклицали проводники, что на языке тамашек означало «Акация!».

В бескрайнем море песка это слово имело такой же смысл, как и «Вижу землю!» у потерпевших крушение или сбившихся с курса моряков. Раздваивающийся ствол акации с развесистой кроной замечали издали, а ведь на самом деле «Тафагаг» был не выше трёх метров.

Ученые стали исследовать Тенере в конце 1930-х годов. Составили карты. И «Тафагаг» стал, пожалуй, единственным деревом в мире, обозначенным в атласах. Тогда весь мир узнал об удивительно живучей 300-летней акации, её истории, связанных с ней легендах и былях.

- Многие исследователи задавались вопросом, - говорит Альбер, - как оказалась в Тенере эта одинокая акация, в чём секрет её живучести и долголетия, почему ни у одного из туарегов не появилось желания срубить дерево, развести костёр и обогреться в холодную сахарскую ночь, напиться горячего чая.

Существование акации подтвердило то, что когда-то в Тенере жизнь была ключом. На месте пустыни было озеро, от которого по каналам шла вода на поля. Недалеко протекала Тафассасет, превратившаяся сейчас в уэд - реку с высохшим руслом. По ее берегам прежде росла буйная растительность, разгуливали слоны, жирафы, бегемоты, антилопы. Археологи нашли здесь и каменные орудия труда первобытного человека, обитавшего на берегах озера приблизительно 600 тысяч лет назад: отполированные камни, топоры, наконечники стрел, ступы, жернова, горшки. На скалах первобытные

художники изобразили сценки охоты - свидетельство существовавшей древнейшей сахарской цивилизации, исчезнувшей вместе с водой.

История «Тафагаг» в принципе отражает эволюцию края, процесс опустынивания.

В 1973 году последнее дерево в Тенере - путеводный маяк караванщиков - погибло. Отчего?

Причина точно неизвестна: одни говорят, что в тот год прошёл мощный ураган, другие утверждают, что в акацию врезался грузовик.

- Первая версия объяснима, а вот вторую, - разводит руками Альбер, - лично я постигнуть не могу. Туареги оберегали «Тафагаг», на него было наложено священное табу. Сорвавший ветку карался строго, а тут... грузовик - не могу поверить.

В декабре 1973 года военный транспортер перевёз останки дерева в Ниамей, в музей. Перевозкой руководила специальная комиссия. Через четыре года открыли мавзолей.

- А что сейчас на том месте, где росла акация? - задаю вопрос.

Альбер протягивает фотографию:

- Металлическое дерево - нечто вроде памятника и ориентира одновременно. Должно же что-нибудь указывать караванщикам путь в безводной пустыне Тенере».

Хранитель музея Альбер Ферраль может согласиться с версией, что акацию сломал ураган, но не может допустить, что в неё врезался грузовик, но это действительно так и объясняется естественными причинами, о которых может узнать любой пользователь Интернета, заглянув в Универсальную свободную энциклопедию – Википедию (ru.wikipedia.org):

«Дерево получило известность в начале 1930-х годов, когда стало объектом внимания натуралистов и географов; до этого оно уже не одно десятилетие являлось местом остановки торговых караванов, передвигавшихся по торговым путям Сахары. Учёным удалось выяснить, что возраст акации составлял около 300 лет. Строились различные гипотезы относительно уникального положения дерева Тенере, чаще всего считается, что оно - остаток леса, исчезнувшего в результате стремительной перемены климата и опустынивания. Было установлено, что корни дерева были связаны с питавшей его фреатической зоной.

Акация была сбита грузовиком, за рулём которого находился пьяный водитель-ливиец, в 1973 году. 8 ноября того же года остатки дерева перенесли в Национальный музей Нигера в столице государства, городе Ниамей. На месте, где оно стояло, воздвигнут металлический памятник в форме дерева».

Авторы «Мистерии Луны» Кристофер Найт и Алан Батлер, говорят о послании Человечеству какой-то высокоразвитой цивилизации, не игнорируя Бога, как агностики, «не видя никаких доказательств бытия Бога, и в то же время, не усматривая ничего невозможного в Его существовании».

У авторов книги даже «возникла мысль, что числовые закономерности, встроенные в структуру Луны и её взаимоотношения с Землёй, могут быть первым глобальным контактом с самим Богом».

Не буду останавливаться на рассуждениях авторов о внеземном разуме, а лучше предложу обратить внимание на восьмистраничный рассказ Хорхе Луиса Борхеса «Письмена Бога» (Коллекция, СПб., 1992, стр.263-268), насколько он перекликается с темой затронутой авторами «Мистерии Луны», хотя и написан намного раньше этого трёхсотстраничного трактата:

«Каменная темница глубока; изнутри она схожа с почти правильным полушарием; пол (тоже каменный) чуть меньше его наибольшей окружности, и потому тюрьма кажется одновременно гнетущей и необъятной. Посредине полусфере перерезает стена; очень высокая, она все же не достигает верхней части купола; с одной стороны нахожусь я, Тсиакан, маг пирамиды Кахолома, которую сжёт Педро де Альварадо; с другой - ягуар, меряющий ровными и незримыми шагами пространство и время своей клетки. В центральной стене, на уровне пола, пробито широкое зарешеченное окно. В час без тени (полдень) сверху открывается люк, и

тюремщик, ставший от времени безликим, спускает нам на верёвке кувшины с водой и куски мяса. Тогда в темноту проникает свет, и я могу увидеть ягуара.

Я потерял счет годам, проведенным во мраке; когда-то я был молод и мог расхаживать по камере, а теперь лежу в позе мертвеца, и мне остается только ждать уготованной богами кончины. Когда-то длинным кремнёвым ножом я вспарывал грудь людей, приносимых в жертву; теперь без помощи магии я не сумел бы подняться с пыльного пола.

Накануне сожжения пирамиды сошедшие с высоких коней люди пытали меня раскалённым железом, чтобы выведать, где находится сокровищница. У меня на глазах была низвергнута статуя Бога, но Бог не оставил меня и помог промолчать под пыткой. Меня бичевали, били, калечили, а потом я очнулся в этой темнице, откуда мне уже не выйти живым.

Чувствуя необходимость что-то делать, как-то заполнить время, я, лёжа во тьме, принялся мысленно воскрешать всё, что когда-то знал. Я проводил целые ночи, припоминая расположение и число каменных змеев или свойства лекарственных деревьев. Тогда мне удалось обратиться в бегство годы и снова стать властелином того, что мне принадлежало. Однажды ночью я почувствовал, что приближаюсь к драгоценному воспоминанию: так путник, ещё не увидевший моря, уже ощущает его плеск в своей крови.

Через несколько часов воспоминание прояснилось: то было одно из преданий, связанных с Богом. Предвидя, что в конце времён случится множество бед и несчастий, он в первый же день творения начертал магическую формулу, способную отвести все эти беды. Он начертал её таким образом, чтобы она дошла до самых отдалённых поколений и чтобы никакая случайность не смогла её исказить.

Никому не ведомо, где и какими письменами он её начертал, но мы не сомневаемся, что она тайно хранится где-то и что в своё время некий избранник сумеет её прочесть. Тогда я подумал, что мы, как всегда, находимся при конце времён и что моя судьба - судьба последнего из служителей Бога - быть может, даст мне возможность разобрать эту надпись. То обстоятельство, что я находился в темнице, не лишало меня надежды; вполне вероятно, что я уже тысячи раз видел эти письмена в Кахолومه, только не смог их понять.

Эта мысль ободрила меня, а затем довела до головокружения.

По всей земле разбросано множество древних образов, неизгладимых и вечных; любой из них способен служить искомым символом. Словом Бога может оказаться гора, или река, или империя, или сочетание звёзд.

Но горы с течением времени рассыпаются в прах, реки меняют свои русла, на империи обрушиваются превратности и катастрофы, да и рисунок звёзд не всегда одинаков. Даже небосводу ведомы перемены. Гора и звезда - те же личности, а личность появляется и исчезает.

Тогда я стал искать нечто более стойкое, менее уязвимое. Размышлять о поколениях злаков, трав, птиц, людей. Быть может, магическая формула начертана на моём собственном лице, и я сам являюсь целью моих поисков.

В этот миг я вспомнил, что одним из атрибутов Бога служил ягуар.

И благоговейный восторг овладел моей душой. Я представил себе первое утро времён, вообразил моего Бога, запечатлевающего своё послание на живой шкуре ягуаров, которые без конца будут спариваться и приносить потомство в пещерах, зарослях и на островах, чтобы послание это дошло до последних людей. Я представил себе эту кошачью цепь, этот лабиринт огромных кошек, наводящих ужас на поля и стада во имя сохранности предначертания. Рядом со мной находился ягуар; в этом соседстве я усмотрел подтверждение моей догадки и тайную милость Бога.

Долгие годы я провёл, изучая форму и расположение пятен. Каждый слепой день дарил мне мгновение света, и тогда я смог закрепить в памяти чёрные письмена, начертанные на рыжей шкуре. Одни из них выделялись отдельными точками, другие сливались в поперечные полосы, третьи, кольцевые, без конца повторялись. Должно быть, то был один и тот же слог или даже слово. Многие из них были обведены красноватой каймой.

Не буду говорить о тяготах моего труда. Не раз я кричал, обращаясь к стенам, что разобрать эти письмена невозможно. И мало-помалу частная загадка стала мучить меня меньше, чем загадка более общая: в чём же смысл изречения, начертанного Богом?

«Что за изречение, - вопрошал я себя, - может содержать в себе абсолютную истину?» И пришёл к выводу, что даже в человеческих наречиях нет предложения, которое не отражало бы всю вселенную целиком; сказать «тигр» - значит вспомнить о тиграх, его породивших, об оленях, которых он пожирал, о траве, которой питались олени, о земле, что была матерью травы, о небе, произведшем на

свет землю. И я осознал, что на Божьем языке эту бесконечную переключку отзвуков выражает любое слово, но только не скрытно, а явно, и не поочередно, а разом.

Постепенно само понятие о Божьем изречении стало мне казаться ребяческим и кощунственным. «Бог, - думал я, - должен был сказать всего одно слово, вмещающее в себя всю полноту бытия. Ни один из произнесенных им звуков не может быть менее значительным, чем вся вселенная или, по крайней мере, чем вся совокупность времён.

Жалкие и хвастливые человеческие слова - такие, как «все», «мир», «вселенная», - это всего лишь тени и подобия единственного звука, равного целому наречию и всему, что оно в себе содержит».

Однажды ночью (или днем) - какая может быть разница между моими днями и ночами? - я увидел во сне, что на полу моей темницы появилась песчинка. Не обратив на неё внимания, я снова погрузился в дремоту. И мне приснилось, будто я проснулся и увидел две песчинки. Я опять заснул, и мне пригрёзилось, что песчинок стало три. Так они множились без конца, пока не заполнили всю камеру, и я начал задыхаться под этой горой песка. Я понял, что продолжаю спать и, сделав чудовищное усилие, пробудился. Но пробуждение ни к чему не привело: песок по-прежнему давил на меня. И некто произнес: «Ты пробудился не к бдению, а к предыдущему сну. А этот сон в свою очередь заключён в другом, и так до бесконечности, равной числу песчинок. Путь, на который ты вступил, нескончаем; ты умрешь, прежде чем проснешься на самом деле».

Я почувствовал, что погибаю. Рот у меня был забит песком, но я сумел прокричать: «Приснившийся песок не в силах меня убить, и не существует сновидений, порождаемых сновидениями!» Меня разбудил отблеск. В мрачной вышине вырисовывался светлый круг. Я увидел лицо и руки тюремщика, блок и верёвку, мясо и кувшины.

Человек мало-помалу принимает обличье своей судьбы, сливается воедино со своими обстоятельствами. Я был отгадчиком, и мстителем, и жрецом Бога, но, прежде всего - узником.

Из ненасытного лабиринта сновидений я вернулся в тюрьму, как возвращаются домой. Я благословил сырую темницу, благословил тигра, благословил световой люк, благословил своё дряхлое тело, благословил мрак и камень.

Тогда произошло то, чего я никогда не забуду, но не смогу передать словами. Свершилось моё слияние с божеством и со вселенной (если только два этих слова не обозначают одного и того же понятия).

Экстаз не выразишь с помощью символов; один может узреть Бога в проблеске света, другой - в мече, третий - в кольцевидных лепестках розы.

Я увидел некое высочайшее Колесо; оно было не передо мной, и не позади меня, и не рядом со мной, а повсюду одновременно. Колесо было огненным и водяным и, хотя я видел его обод, бесконечным. В нем сплелось всё, что было, есть и будет; я был одной из нитей этой ткани, а Педро де Альварадо, мой мучитель, - другой.

В нём заключались все причины и следствия, и достаточно мне было взглянуть на него, чтобы понять всё, всю бесконечность.

О, радость познания, ты превыше радости воображения и чувств!

Я видел вселенную и постиг сокровенные помыслы вселенной. Видел начало времён, о котором говорит Книга Совета. Видел горы, восстающие из вод, видел первых людей, чья плоть была древесиной, видел нападавшие на них каменные сосуды, видел псов, что пожирали их лица. Видел безликого Бога, стоящего позади богов. Видел бесчисленные деяния, слагавшиеся в единое блаженство, и, понимая всё, постиг также и смысл письмён на шкуре тигра.

То было изречение из четырнадцати бессвязных (или казавшихся мне бессвязными) слов. Мне достаточно было произнести его, чтобы стать всемогущим. Мне достаточно было произнести его, чтобы исчезла эта каменная темница; чтобы день вошёл в мою ночь, чтобы ко мне вернулась молодость, чтобы тигр растерзал Альварадо, чтобы священный нож вонзился в грудь испанцев, чтобы восстала из пепла пирамида, чтобы воскресла империя.

Сорок слогов, четырнадцать слов - и я, Тсиакан, буду властвовать над землями, которыми некогда владел Моктесума (Монтесума, Монтекусома - вождь ацтеков). Но я знаю, что ни за что не произнесу этих слов, ибо тогда забуду о Тсиакане (о себе). И да умрёт вместе со мной тайна, запечатлённая на шкурах тигров.

Кто видел всю вселенную, кто постиг пламенные помыслы вселенной, не станет думать о человеке, о жалких его радостях и горестях, даже если он и есть тот самый человек.

Вернее сказать - был им, но теперь это ему безразлично. Ему безразличен тот, другой, безразлично, к какому племени тот принадлежит - ведь сам он стал теперь никем. Вот почему я не произнесу изречения, вот почему я коротаю дни, лёжа в темноте».

(продолжение следует)